

К Р О К О Д И Л



Рис. К. Елисеева

«КАЮЩИЕСЯ» ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ



Взять Сталинград ефрейтор собирался
И предвкушал заранее торжество!
До Сталинграда Гитлер не дорвался,
А Сталинград добрался до него.

Арийское счастье

— Какое несчастье, Пауль!
— За сегодняшний вечер, Минна, ты повторила эту фразу ровно десять раз.
— Десять раз? Не может быть.
— Точность, моя дорогая жена, — это истинная черта немца!
— Тише, Пауль. Не говори так громко, что ты немец. Забываешь, что по улицам нашего города ходят русские.
— Ты права, Минна. Сейчас это — большое несчастье, что мы эти самые... (шопотом) немцы.
— Как нам выпутаться из этого положения? Что ты думаешь, Пауль?
— Не думаю. Не думать — это истинная черта нем... Кстати, Минна, ты хорошо запрятала украинские вышивки?
— Всё закопала, всё зарыла. Но как зарыть в землю наше арийское происхождение?
— Я уже кое-что предпринял. Сжѣг свидетельство о своей чистокровности.
— Хорошо сделал.
— Предусмотрительность — это истинная черта...
— Тише, Пауль. Не договаривай.
— Молчу. Молчание — это истинная черта...
— Не поможет, Пауль. Физиономии у нас... О боже, какие у нас немецкие физиономии! Особенно у тебя. Смотреть противно.
— Но помнишь, Минна, меня сильно упрекали за смутную линию подбородка и какие-то неровности черепа. Может, на этом сыграть?
— Плевать русским на твой подбородок, и начхать им на твой череп.
— Что же делать?
— Вспомни, Пауль, может, в твоём роду был хоть один смешанный брак? Может, где-нибудь у твоей матери или бабушки заваялся поляк, грек, негр, еврей, француз?
— Прости меня, дорогая. Но ничего этого не было.
— Да, нечего сказать. Удачно я вышла замуж! Чистокровный...
— От чистокровной и слышу. Сама-то ты хороша! Двенадцать поколений северной расы! Белокурая бестия...

Супруги долго бы ещё бранились. Но вдруг в углу что-то зашевелилось. Это приподнялась из кресла старая и дряхлая фрау Берта — мать Минны.

— Дети мои, — сказала она ласково, — не ссорьтесь. У меня для вас приготовлен сюрприз. Чудесный сюрприз, мои дорогие. Я долго таила это про себя. Даже от мужа скрыла. Берегла вам подарок на чёрный день. Сейчас, мне кажется, этот чёрный день пришѣл для всех нас. Слушайте внимательно... Мой Карл, твой старый отец, Минна, находится сейчас там, откуда нет возврата: он в фольксштурме. А раньше он всю жизнь торговал галантереей. Он вѣл дела с одной бельгийской фирмой — замечательные кружева...

— Ну и что же? — грубо перебил зять. — Вы хотите нам подарить кружева?

— Нет, не кружева я вам хочу подарить, а коммивояжѣра. Его звали... Не могу точно вспомнить. Кажется, его звали мсье Котлет. Он часто приезжал к нам. Это был красавец! Его фирма была тесно связана с нашей фирмой. Ах, какие кружева! И я могу вас, дети,

обрадовать: Минна — дочь мсье Котлета. Я могу это подтвердить под присягой. Мне, старухе, поверят. Благодарите меня, Пауль и Минна. Я, кажется, заслужила. Как видите, я всегда заботилась о вас, мои родные.

— Какое счастье!
— Спасибо, мама, спасибо!
— Всё это хорошо. А если вдруг...
— Что «вдруг»?
— А если вдруг русским наплевать и на вашего коммивояжѣра? А?..

Г. РЫКЛИН

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА



БЕРЛИН. Наднях фюрера посетил оборонительные рубежи на подступах к Берлину в целях воодушевления своих войск. Результаты посещения превзошли все ожидания. Немедленно после отъезда фюрера был дан Кюстрин.

МЮНХЕН. Недавно переехавшее сюда имперское министерство пропаганды начало свою плодотворную деятельность с запрѣта упоминания в печати и разговорной речи таких слов, как портфель, портсигар, порт Кольберг, порт Гдыня, порт Данциг и тому подобные слова, намекающие на порты.

ЛОНДОН. По поступившим в Лондонское королевское географическое общество сведениям, в ряде районов Берлина образовалась пустыня, над которой беспрерывно реют тучи москитов. В настоящее время учёными выясняется, является ли обилие москитов следствием наличия пустыни или наличие пустыни — следствием прилѣта москитов.

БЕРЛИН. В местных, ещё недоэвакуированных кругах крайне удивляются сомнению шведской газеты «Афтонтидинген» в том, уважают ли Швецию. Вышеозначенные круги категорически заявляют: «За других не ручаемся, а мы уважаем».

НАЖИТЬ ТОРОПЯТСЯ — УЧАСТВОВАТЬ СПЕШАТ

Рис. Г. Валька



— Наконец-то и вы объявили войну Германии! Где собираетесь развернуть операции? — На санфранциском направлении.

Николай Андреич

МИРНЫЕ НЕМЦЫ...

Рис. И. Семенова

— Ну, вот,— сказал майор.— Радуйся, Наташа. Завтра твой Николай Андреич приезжает. На три дня. А может, даже и насовсем. Живой и здоровый.

— А как же так — «насовсем»?

— Душенька, это пока ещё только мои мечты и планы. Он для тебя кто? Коля и Коля, а для меня он неоценимый, чистейшей воды — слыхала, как брильянты бывают, — вот он для меня как раз такой брильянтовый главбух! При нём у меня в интендантстве ажур был, полная картина, прозрачность! А сейчас что? Один дамский элемент! Нет, я не против, но без Николая я прямо задыхаюсь! Сегодня же начинаю хлопотать перед начальством, чтоб отпустили Николая. Авось, удастся.

Наталья Ивановна полетела. А мысли в голове были самые сумбурные:

«Не виделись три года и восемь месяцев!.. Каков-то он стал? Не забыть дрожжей. Пирог с мясом и с капустой. Он любил с капустой. А может быть, насовсем? Вынуть из сундука рубашку его полосатенькую, любимую... А может быть, майор наврал и он ранен, болен? Хоть бы уж скорей!..»

Она вбежала в комнату. Фараошка, привыкший к её степенной походке, скакал, лалял, тыкал её в грудь лапами-палками.

Кутерьма поднялась страшная. К шести часам утра квартира снята чистотой, на парадной скатерти был накрыт завтрак, на чугунной печке вздыхал и поддумывался пирог.

В семь утра по коридору гулко протопали тяжёлые сапоги.

В комнату вошёл Николай Андреич.

Очень трудно описывать сцену встречи. Поэтому перейдём к той минуте, когда Николай Андреич, сходящий в баню, розовый, выбритый, сидел за столом.

— Выпьем, Наташенька, за встречу. Да что же ты не пьёшь, всё на меня глядишь?

— Не узнаю, — блаженно улыбалась Наташа. — Где твои сутуленькие плечи, где тихое выражение лица? Прямо какой-то посторонний молодец, а не муж. И усы! Тебе страшно идут усы! Сержант, две медали! Ах, Коленька!..

Он смеялся:

— Ну, полно. Расскажи, как тут у вас?

— Работаю. Про медаль за Москву ты знаешь?

— Это прекрасно.

— Ну, а как там, на фронте?

— У нас? Ну, брат, у нас на фронте дела чудесные! Что за народ наши гвардейцы! Какая сила, душа какая! С такими людьми можно горы своротить! Как шагнули в Германию, так не удержишь. Вперёд, вперёд. Усталости нет, ничего нет. Берлин — вот что есть! Ты не поверишь, вот я тут с тобой сижу, счастлив, рад,

а сам в душе переживаю: как у нас там? Ты прости, Наташенька, но ведь ты всё понимаешь?

— Всё, — вздохнула Наталья Ивановна.

— Ах, голубчик, нет, не всё! Ты себе вообрази такую операцию: вот так мы, вот здесь наша артиллерия, — он отодвинул пирог, схватил нож, положил поперёк, за ним поставил солонку, сбоку коробку консервов, — а вот так они (тарелка с маринованной сельдью). Наша артиллерия сидит три часа кряду вот сюда (шипящий самовар). А в это время с правого фланга — ты понимаешь?

— Понимаю. Я всё понимаю, — говорит Наталья Ивановна.

Вечером пришёл майор:

— Где он, мой друг-приятель фронтовик?

— Здесь! — гаркнул из другой комнаты Николай Андреич; он одевался.

— Вы ничего ему не говорили? — шопотом спросил майор. — Кажется, удастся!

— Кажется... не удастся, — шопотом ответила Наталья Ивановна.

Николай Андреич выскочил на середину комнаты и молодцевато стукнул каблуками:

— Здравия желаем, товарищ майор!

После этого они обнялись и расцеловались. А за ужином он, блестя глазами и разрушая изящную симметрию приборов, рассказывал:

— Тебе это понятно? Вот так их правый фланг, вот тут наша артиллерия!..

— Да ты кушай, — просила Наталья Ивановна. — Ведь через три дня опять туда же... к себе, — она вопросительно взглянула на майора.

Майор как-то неопределённо пожал плечом. Фараошка скулил и требовал своей доли ужина, но Николай Андреич и на это не обратил внимания. Он насторожился:

— Тише! Позывные? Наташа, пусти погромче. Кто? Где? Наверное, наши... Так и есть! У нас на фронте! Ну, ты скажи, пожалуйста, на три дня отлучился, а там без меня такие события!

— А я, признаться, мечтал о тебе, — начал майор, когда отгремели салюты. — Я, понимаешь, буквально задыхаюсь без главбуха! Ни тебе ажур, ни прозрачности, ни баланса — как в лесу!

— Ясно, — согласился Николай Андреич. — Как только Берлин возьмём, как по его камням протопаем, так в полное ваше распоряжение! Только сейчас, брат, до меня никакой ажур не доходит! Ты не поверишь: сижу тут у вас и прямо как на иголках: как бы они там без меня не протопали! Ну, не буду, не буду, Наташенька. Сейчас я целиком с вами. Но ведь ты, голубчик, всё понимаешь?

— Понимаю.

— Всё понимает, молодец! За твоё здоровье! За мою дорогую! — как говорят у нас на фронте.

В. КАРБОВСКАЯ



А МЫ ИХ ВСЁ-ТАКИ ПОВЕСИМ!

Убийцы грабили наш дом.
Мы грудью встали для защиты.
Теперь с награбленным добром
Уже не спрячутся бандиты!
Мои товарищи и я
Обыщем города и веси,
Пройдём буквально все края,
Найдём злодеев и псвесим.

Но что там? Сквозь пожаров над
Зловещие летают птицы.
Гогочут, каркают, свистят,
Пошады требуют убийцам.
Чьи ж голоса, нам вслед летя,
Сплетаются в крикливой смеси?
Послушаем тех птиц... Хотя
Убийц мы всё равно повесим!

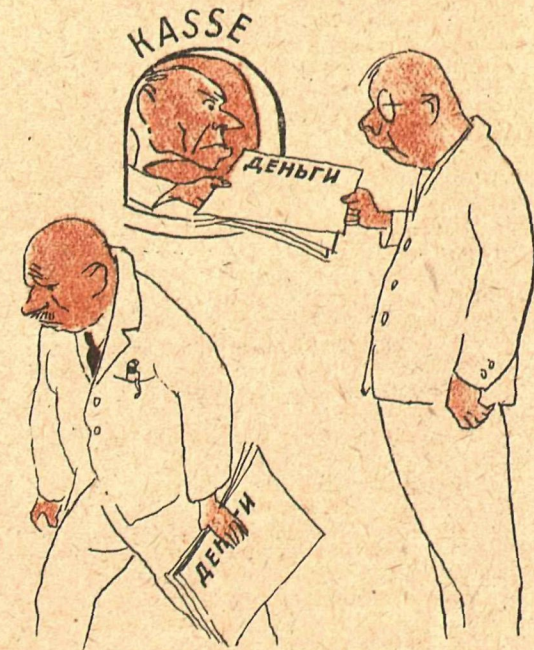
Нам ворон-пессимист кричит:
— Их не найти! Их нет в помине!
Друзья убийц, как верный щит,
Укроют всех их в Аргентине!
Друзья такие — не пустак!
И с весом! Вспомните о весе!
А мы ответили: — Пусть так!
Убийц мы всё-таки повесим!

Сова-юрист о том твердит,
Что надо дать отсрочку клике,
Что рано выносить вердикт,
Что, мол, не собраны улики,
Что мы должны, мол, иск сперва
В судебном выиграть процессе...
Шипи, проклятая сова,
А мы их всё-таки повесим!

Стервятник старый загнул,
В небесный свод вперяя очи:
Прощенья просит для громил,
О милосердии хлопочет.
Стервятник! Что ж ты подлецам
Не пел о всепрощенье песен?
Давай-ка так: прощай их сам,
А мы найдём их — и повесим!

Не лучше гнусных палачей
Все их друзья и адвокаты.
Они вопят тем горячей,
Чем больше получили платы.
Но банде не уйти от нас.
Сотрём с земли! Не место здесь им
Мы дали клятву в грозный час,
И мы их всё-таки повесим!

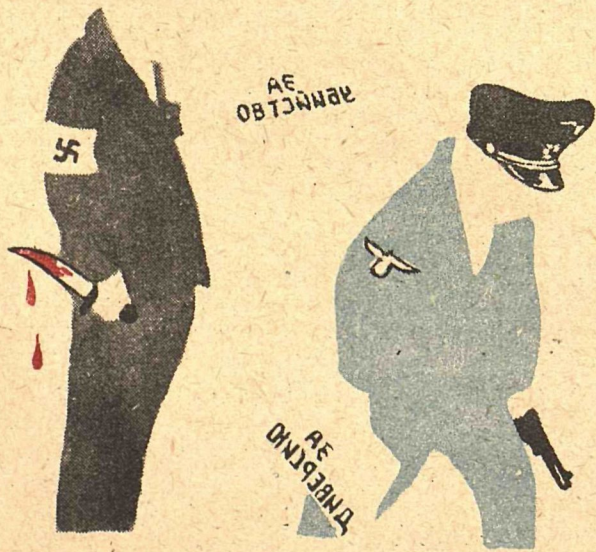
М. ДОЛИНОВ



Усиленно рекомендуем посмотреть их на свет.



Сверхчеловеки.



(См на обороте)

✓ Эфирное создание

НАД Н-ской базой флота, когда проходишь на корабле по заливу, видны мачты. Замечали? Вот я под теми мачтами работала... Зовут меня Лена Окунчикова. Старшина 2-й статьи. Служу на Северном флоте радисткой.

Пошла я служить на флот добровольцем. Думала, стану снайпером, или бесстрашной санитаркой морской пехоты, или, в крайнем случае, зенитчицей. А попала в эфир... Ну, конечно, сейчас не жалею: оказалось, тоже подходящее занятие. Сидишь ты перед аппаратурой на обыкновенном стуле, а в наушниках у тебя вся война. И весь северный морской театр как на ладошке. Корабли докладывают штабу, штаб приказывает кораблям.

А иногда подключишься — слышишь, как лётчики воюют. Всё очень точно и хорошо слышно. Ну, конечно, слушаешь воздушный бой, волнуешься за них. Только иногда такое услышишь... «Четыре «фоки» и два «стодевятых» заходят справа!..», «Беру верхнего!..», «Давай, Петя, работай!..» — и при этом такое добавят, что весь эфир лопаётся на кусочки.

Ну, катерники с торпедных — они как бы помягче, но у них скорость большая, времени для разговора мало, но всё же нет-нет, а чего-нибудь в немецкий адрес скажут... Есть у них там свои специальные катерные слова.

Вот с того, что мы слушали воздушные бои, всё и началось.

Был там один лётчик. Тогда ещё мне не известный человек. Только голос его слышала. Вот он никогда к боевым разговорам ничего такого не добавлял. Когда ему кто-нибудь из товарищей кричит в радиотелефон: «Саша, внимание, на тебя заходит «стодевятый», дай ему жизни!..» и так далее, он всегда так насмешливо и спокойно отвечает: «Ай, ай, ай, зачем так грубо?.. Можно вежливее... Дадим ему две очереди — и точка!». И слышно, действительно, как стучат две пулемётные очереди, и голос его раздаётся: «Одного сбид». А голос у него такой, я бы сказала, музыкальный... Очень он меня и Ксюшу Рябцеву собой заинтересовал, этот лётчик.

Читаем на следующий день после боя газету, но никак в статье разобраться не можем: фамилии и звания лётчиков указаны, а имён нет. А они друг дружку в бою просто по имени называют, чтобы было короче.

Да... Вот однажды приходим мы с Ксюшей в Дом флота нашей Н-ской базы. У нас, надо сказать, бывают самодеятельность, кино, танцы, постановки, иногда приезжает ансамбль Северного флота. Приходим, а там на контроле стоит страшная такая женщина. Вредная, ужас! Мы её «самоходной пушкой» прозвали... Что ей ни говоришь, а она как бронированная.

В этот вечер перед сеансом были танцы. Ксюша не утерпела и с билетами скорее в зал. А я у зеркала задержалась — брови приглаживаю, а то они у меня растрепались очень.

Подхожу к контролю, а «пушка» меня не пускает.

Я говорю: «Мои билеты там, у подружки. А она давай меня отталкивать. И вдруг я слышу знакомый голос и слова, очень хорошо знакомые:

— Ай, ай, ай... зачем так грубо?.. Можно вежливее... Две очереди — и точка!..

Я оборачиваюсь, смотрю: лётчик, младший лейтенант. И тут у меня сердце, как стукнет: вот он какой! А он не такой, я бы сказала, красивый, но такой он хороший, рыженький... и глаза у него то ли серые, то ли голубые.

Кончился танец. Подскочила с билетами Ксюша, и прошли мы через контроль. Стала я у стёнки и стою, как сигнальщик на вахте, смотрю во все глаза. Всего на всё происшествие ушло три — четыре минуты, а я чувствую, что-то такое хорошее случилось со мной, и сама не понимаю, что такое.

Смотрю, подходит мой лётчик к одной машинистке из охраны водного района, приглашает и танцует с ней. У меня так в душе всё и защемило. «Куда мне! — думаю. — Она вольнонаёмная, и всё на ней вольнонаёмное: платячко крепдешинное зелёное с красным горошком, туфли — каблук — высота десять сантиметров по вертикали, чулки-паутинка, причёска изображает волнистую пересечённую местность...»

Однако вижу, что танцуют они, как незнакомые, и вскоре спокойно расходятся. На душе у меня делается легче.

И вот началось. День за днём идёт. Никому ничего не говорю, а всё о нём думаю. Такие думаю детские мысли. О том, как приезжаем мы с ним в мой родной город Вичугу и привожу я его на фабрику «Красный Профинтерн», где я ткачихой до войны работала, и всем показываю. А потом едем мы с ним в город Иваново и приходим в клуб Меланжевого комбината, и он там со сцены рассказывает свои боевые эпизоды, а я говорю подружкам, что всё это правда, я эти эпизоды сама собственными ушами по радио слушала.

Вот так идут дни. И ни разу с ним не разговариваю и не знаю, чем обратить на себя его внимание.

Проходит месяц. Ему орден дают. Ещё через месяц — другой. Я за него радуюсь, а он живёт, воюет и не знает, что совсем близко есть девушка-радистка, которая...

И тут я начинаю делать всякие глупые поступки. Перенимаю опыт передовых кокеток. Выглаживаю на фланелевке две прямые складки, буквы «СФ» укрепляю на погонах из медного блестящего металла, юбку перешиваю, приделываю замок-«молнию», причёску устраиваю очень модную и попадаю однажды за всё это к коменданту, который мне говорит: «На кого вы похожи? Мы вот вас такую сфотографируем, а карточку папаше и мамаше пошлём».

И делается мне стыдно, и, чтобы не представлять всякие несбыточные мечты, начинаю я работать как могу больше. Налегая на морзянку и скоро довожу себя до того, что достигаю рекорда. И начинают меня называть все «асс эфира», а вскоре переводят на КП.

И вот моя первая вахта на авиационном КП. Входят и садятся генерал-майор со своим штабом: два полковника, один подполковник, один капитан. Пять человек, на которых тридцать два ордена и шесть медалей. Входит офицер, докладывает, что операция началась и самолёты идут заданным курсом. Я по приказанию подключаю репродуктор, и мы слушаем, как гудят моторы и переговариваются лётчики.



— Ах, герр Штумпе, моё жизненное пространство сведено к нулю.
 — Вам ещё везёт, герр Катце! Моё сведено к двум нулям.

Сию я и думаю: «Вот обыкновенная передо мной чёрная тарелочка — так называемый репродуктор «Рекорд». Из точно такой тарелочки слушала я когда-то, в детские годы, по утрам «Пионерскую зорьку»...

А теперь я матрос-радиотехник, сижу на командном пункте авиации флота, а позади меня сам генерал-майор со штабом, и через тарелочку слышна не «Пионерская зорька», а воздушный бой. И так всё слышно, что кажется, будто все мы находимся в кабинах самолётов; взлетаем на три тысячи метров и уходим вниз в пике».

И вдруг я слышу знакомый голос:
 — Сбил «Фокке-Вульф-190». Имею повреждение. Горит правое крыло.

Проходит минута, и снова раздаётся его голос:

— Сбить пламя не удалось... Самолёт в огне. Выбрасываюсь с парашютом.

Ещё некоторое время совсем недолго гудит мотор, а затем слышно, как ударяется о воду самолёт и уходит в холодные волны.

— Давай, девушка, работай! — говорит генерал.

Мне дают шифровку, и я стучу, вызываю отряд торпедных катеров в море. И сердце моё тоже стучит и повторяет каждое тире, каждую точку.

Принимают моё радио торпедные катера и идут в квадрат, туда, где упал самолёт. И никогда не было у меня в жизни такой радости и счастья, как тогда, когда услышала голос командира отряда катеров:

— Вижу лётчика... Подхожу... Взял на борт... Лётчик в порядке...

И слышу знакомый голос:

— Докладываю лично: жив-здоров!

И тут я допускаю позорное, легкомысленное поведение при исполнении служебных обязанностей: смеюсь и плачу, плачу и смеюсь. Но только, честное слово, происходит всё это со мной недолго: выбываю я из строя не больше, чем на тридцать секунд.

А вечером прихожу я в Дом флота и вижу: стоит он, разговаривает с нашим генералом. Стоит спокойный, разговаривает. Тут меня генерал заметил, подзывает. «Вот, — говорит, —

наше эфирное создание, она вас спасать помогала... всплакнула даже...»

Он мне руку подаёт, и мы знакомимся. Генерал уходит, а мы стоим, разговариваем о всяком.

Очень трудный получается разговор. Ну, он спрашивает, откуда я родом, не земляки ли мы. Я говорю, что я из Ивановской области, а он сообщает, что он родом сибиряк, и оказывается, что мы не земляки.

Ещё немного мы говорим, где учились и какие предметы в школе проходили. А потом он достаёт из кармана кителя фотографию, на которой девушка улыбается. «Это, — говорит, — моя невеста». Тут раздаётся третий звонок. Он прощается ласково со мной и уходит в зал. И все уходят. А я остаюсь стоять, смотрю во все глаза, но ничего не вижу.

И не такой он красивый, но такой он хороший, и глаза у него то ли голубые, то ли серые... и улыбается он хорошо... зачем я только его узнала!

Павел ФУРМАНСКИЙ

Действующий флот.



(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

При переезде из города Молотова в Москву я отправил в адрес Наркомата авиапромышленности по багажной квитанции № 792518 два ящика с ценным справочным материалом. Груз по назначению не прибыл. Тщетно разыскивали его в течение полугода. Наконец, 4 декабря 1944 года Центральное пассажирское управление НКПС сообщило, что для розыска багажа выделен специальный ревизор.

Прошло ещё свыше трёх месяцев, но ответа из НКПС нет. И хотя пропавший груз является результатом более чем двадцатилетней моей работы, я уже не о нём тревожусь. Меня больше беспокоит участь ревизора. Бесследно исчез человек. Где он? Как он себя чувствует? Не нужно ли НКПСу выделить для его розыска ещё одного ревизора?

И. КАСИЦКИЙ

Москва.

Дорогой Крокодил!

В июне прошлого года мебельному комбинату в городе Сталино было заказано десять столов для местной АТС. Не прошло и восьми месяцев, как мы узнали, что один стол готов и может быть введён в эксплуатацию. Охваченные бурной радостью, мы помчались за заказом, но тут нас ожидал неприятный сюрприз. Директор комбината Александров заявил, что он выдаст стол лишь в том случае, если ему будет поставлен ещё один телефонный аппарат.

Легко подсчитать, что для получения всех заказанных десяти столов нам придётся установить в комбинате не менее десяти телефонов. Такими возможностями АТС на данном этапе не располагает. Поэтому мы предлагаем тов. Александрову другой выход: он нам изготовит столы, а мы через посредство Крокодила обяжемся широко разрекламировать условия, на которых комбинат выполняет заказы. Не сомневаемся, что найдётся чуткий прокурор, который поможет нам произвести полный расчёт с тов. Александровым.

Н. ПАВЛЮЧЕНКО,
начальник АТС.

Гор. Сталино.

Дорогой Крокодил!

Весёлые ребята работают на заводе, где заместителем директора тов. Скотников. Любят они в свободную минуту повеселиться, пошутить.

Особенно много смеялись они однажды, когда я принесла на завод, в лабораторию, где работала, картинки из «Зоологического лото» с изображением различных зверей. Сами по себе эти четвероногие ничего смешного собой не представляли. Но я под каждым из них в шутку написала фамилии своих сослуживцев, имеющих, на мой взгляд, сходство тот со львом, этот с жирафом, а третий, к примеру, со слоном.

Начальнику лаборатории тов. Бычковой так понравилась моя затея, что она тут же отобрали все картинки и запретила их показывать.

Мало того, в весёлом возбуждении было созвано общее собрание сотрудников лаборатории, на котором был осуждён мой поступок. После этого под общий смех было написано распоряжение о снятии меня с работы в лаборатории. Это решение поддержал, мягко улыбаясь, сам заместитель директора по найму тов. Скотников.

В общем, смеху было доупаду! А мне почему-то единственной не смешно от моей шутки. Скорее даже грустно.

О. КОНДАКОВА

Москва.



кукрыниных 45

В честь происшествия какого
Здесь слёт бобров, слонов и лис?
Вкруг баснописца Михалкова
Его «герои» собрались.
И, долгой жизнью умудрён,
Беседу открывает слон:
«Я стар. Слоновою болезнью
Болея больше трёх веков.
И сознаюсь: всего полезней
Мне ваши басни, Михалков!
Они остры, в них нету лжи,
Смешно в них выглядят... ежи».
Иван кивает на Петра,
Еж намекает на бобра:
«Насчёт ежей вы чуть не правы,
Еж, право, не совсем таков.
Что ж до бобра,
То... bravo, bravo!
Смешно продёрнули бобра вы
В стихах, товарищ Михалков!»
Но, почесав седой пробор,
Вступает в спор седой бобёр:
«Не знаю, где таких бобров вы

Нашли, но приговор толков:
Насчёт лисички чернوبرовой
Прошлись вы тонко, Михалков!»
Лиса в ответ: «Я не согласна!
О, мой поэт, вы увлеклись!..
Из чернوبرой стала красной
Я от стыда за наших лис.
И утешают басни эти
Лишь тем, что, истину любя,
Я в этом узнаю портрете
Свою подругу — не себя».

Чем дальше в лес, тем больше дров...
А вывод... вывод прост и ясен:
Не слушай лис, слонов, бобров...
Серёжа, милый, будь здоров
И сочиняй побольше басен!
Ты зоологии проблему
Решил шутя — и был таков.
Шагай вперёд на зависть Брему,
Сеогей Владимыч Михалков.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ.

44

ПРАЗДНИК

По бетонной автостраде
Стокопытный перестук,—
Скачут маленькие кони,
Появившиеся вдруг.
По ветру казачья бурка,
Словно чёрное крыло.
Кавалерия влетает
То ль в город, то ль в село.
Здесь в кирпичном крайнем
доме

Всё навыворот, вверх дном;
Украинская девчонка
Восседает за столом.
Перед нею ходит немка,
Суетится, подаёт.
Два лихих кавалериста
Завели во двор коней
И в немецкие покои
Входят, шпорами звеня.

— Друзьям привет! — кричит
девчонка,—
Нынче праздник у меня...
За три года ты впервые
И смеёшься и поёшь...
(Немка вносит блюдо студня,
Вся, как студень,— в пальцах
дрожь.)
— Выпьем, что ль, по чарке
рома,

Тост хороший есть один:
Чтоб тебе скорей до дому,
Чтобы нам скорей в Берлин.
Улыбается девчонка...
Время песни запевать:
— Распрягайте, хлопцы, кони
Та лягайте почивать.
ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ
Германия,
Бранденбургская провинция.

МАТ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
7. 10. 1945
Мин. На. Народн. Вспомогат. Учр.



рис. Д. Бродаты

— Ну-с, фрау! Пришла за расчётом!..

Получ.	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
в ред.	Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.
Сдан	Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.
в редак.	Подписано к печати 24/III 1945 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78.000.
	Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 660. Тираж 100.000 экз.